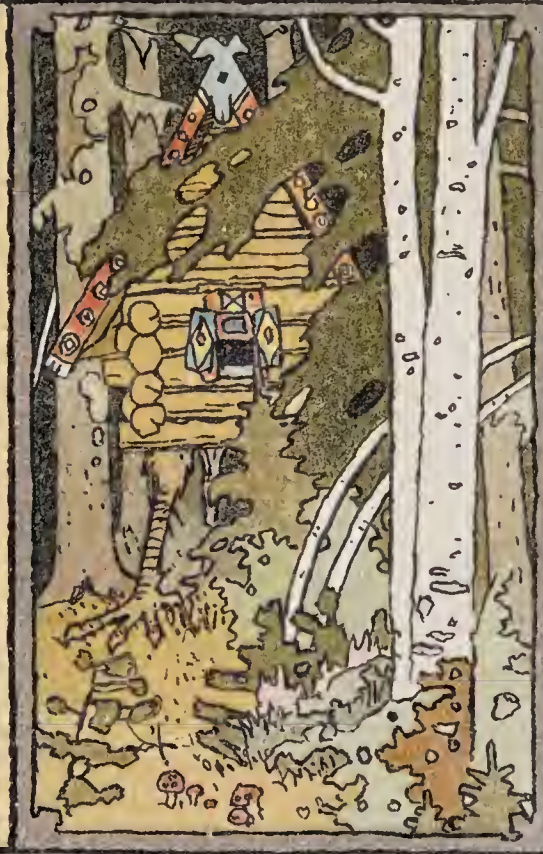
СКАЗКИ

Мѣрышко Финнѝста Асна-Сѝкола.



Рисунки И. Б. Билибина.

Изданіе
Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Марта 1902 г.

Перышко Финиста Ясна-Сокола.

Былъ старикъ со старухою. У нихъ было три дочери: большая и средняя — щеголихи, а меньшая только о хозяйствѣ радѣла, и была она такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать; идетъ по улицѣ,— всѣ парни съ нея глазъ не сводятъ, на другихъ дѣвушекъ и смотрѣть не хотятъ.

Разъ собрался старикъ въ городъ на ярманку и спрашиваетъ у своихъ дочерей, которой что купить.

Большая проситъ: „Купи мнѣ на сарафанъ“! И середняя то жъ говоритъ. — „А тебѣ что, дочь моя любимая“? спрашиваетъ старикъ у меньшой. — „Купи мнѣ, батюшка, аленькой цвѣточекъ“.

Засмѣялся старикъ надъ меньшою дочкою. — „Ну, что тебѣ“, говоритъ, „глупенькая, въ аленькомъ цвѣточкѣ? много ли въ немъ корысти! Я тебѣ лучше нарядовъ накуплю“. Только, что ни говорилъ, никакъ не могъ уговорить ее. —„Купи аленькой цвѣточекъ“ — да и только!

Отецъ простился съ ними, сѣлъ въ телѣгу и уѣхалъ въ городъ на ярманку; большимъ дочерямъ купилъ, чего онѣ просили, а аленькаго цвѣточка нигдѣ не нашелъ, а исходилъ старикъ всю ярманку съ одного конца до другого: нѣтъ нигдѣ такого цвѣточка!

И. БИЛИБИНЪ

Воротился старый домой, старшую и середнюю дочерей обновами обрадовалъ. — „Вотъ вамъ, дочери мои милыя, чего вы просили; а тебѣ“, говоритъ меньшой, „не нашелъ аленького цвѣточка“. — „Такъ и быть“! сказала она, „можетъ, въ другой разъ посчастливится найти“.

Большія сестры кроятъ да обновы себѣ шьютъ, да надъ меньшою посмѣиваются: „Ишь ты, умница, чего захотѣла; ты бы еще чего попросила“! а она, знай, отмалчивается.

Опять собирается отецъ въ городъ на ярманку и спрашиваетъ: „Ну, дочки, чего вамъ купить“? Большая и середняя просятъ по платку, а меньшая снова говоритъ: „Купи мнѣ, батюшка, аленькой цвѣточекъ“.

Простился отецъ съ ними, сѣлъ въ телѣгу и поѣхалъ въ городъ; купилъ два платка, а аленького цвѣточка и въ глаза не видалъ. Воротился назадъ и говоритъ: „Ахъ, дочка, вѣдь я опять не нашелъ аленького цвѣточка“! —„Ничего, батюшка! можетъ, въ иное время какъ-нибудь посчастливится“.

Вотъ, и въ третій разъ собирается старикъ въ городъ и спрашиваетъ: „Сказывайте, дочки мои милыя, чего вамъ купить“. Большія говорятъ: „Купи намъ, батюшка, серьги“; а меньшая опять свое: „А мнѣ, родимый, купи аленькой цвѣточекъ“.

Простился старикъ съ ними, сѣлъ и поѣхалъ. Купилъ онъ золотыя серьги; бросился искать цвѣточка; искалъ, искалъ, — никто такого не вѣдаетъ; опечалился онъ и поѣхалъ изъ города. Только за заставу выѣхалъ, а навстрѣчу ему попадается старый старичокъ — несетъ въ рукахъ аленькой цвѣточекъ.

— „Продай мнѣ, старинушка, твой цвѣтокъ“! — „Онъ у меня не продажный, а завѣтный; буде меньшая дочь твоя пойдетъ за моего сына, Финиста Ясна-сокола, такъ отдамъ тебѣ цвѣтокъ даромъ“.

Призадумался отецъ: не взять цвѣточка — дочку огорчить, а взять — надо будетъ замужъ ее выдать, и, Богъ знаетъ, за кого! Подумалъ, подумалъ да таки взялъ аленькой цвѣточекъ. „Что за бѣда“! думаетъ, „послѣ присватается, да коли нехорошъ, такъ и отказать можно“!

Пріѣхалъ домой, отдалъ старшимъ дочерямъ серьги, а меньшухѣ отдаетъ цвѣточекъ и говоритъ:

„Не любъ мнѣ твой цвѣточекъ, дочь моя любезная, больно не любъ“! а самъ шепчетъ ей потихоньку на ухо: „Вѣдь цвѣточекъ-то завѣтный былъ, а не продажный; взялъ я его у незнакомаго старика съ уговоромъ отдать тебя замужъ за его сына Финиста Ясна-сокола“.

— „Не печалься, батюшка“! отвѣчаетъ дочка, „вѣдь онъ такой добрый да ласковый, яснымъ соколомъ летаетъ по поднебесью, а какъ ударится о сырую землю, такъ и станетъ молодецъ молодцомъ“!

— „Да ты развѣ его знаешь“? — „Знаю, знаю, батюшка! въ прошлое воскресенье онъ у обѣдни былъ, все на меня смотрѣлъ; я и говорила съ нимъ... Вѣдь онъ любитъ меня, батюшка“!

Старикъ покачалъ головой, посмотрѣлъ на дочь таково пристально, перекрестилъ ее и говоритъ: „Поди въ свѣтелку, дочка моя милая! ужъ спать пора; утро вечера мудренѣе — послѣ разсудимъ“!

А дочка заперлась въ свѣтелкѣ, опустила аленькой цвѣточекъ въ воду, отворила окошко, да и смотритъ въ синюю даль.

Откуда ни возьмись — взвился передъ ней Финистъ Ясенъ-соколъ-цвѣтныя перышки, впорхнулъ въ окошечко, ударился объ полъ и сталъ молодцомъ. Дѣвушка было испугалась, а потомъ, какъ заговорилъ онъ съ нею, и не вѣсть какъ стало весело и хорошо на сердцѣ. До зари они разговаривали — ужъ не вѣсть о чемъ; а только, какъ начало свѣтать, Финистъ Ясенъ-соколъ-цвѣтныя перышки поцѣловалъ ее, да и говоритъ: „Каждую ночь, какъ только поставишь ты аленькой цвѣточекъ на окно, стану прилетать къ тебѣ, моя милая! Да вотъ тебѣ перышко изъ моего крыла; коли понадобятся тебѣ какіе наряды, выйди на крылечко, да только махни имъ въ правую сторону — и вмигъ передъ тобой явится все, что душѣ угодно"!

Поцѣловалъ ее еще разъ, обернулся яснымъ соколомъ и улетѣлъ за темный лѣсъ. Дѣвушка посмотрѣла вслѣдъ своему суженому, затворила окно и легла почивать.

Съ той поры каждую ночь, лишь поставитъ она аленькой цвѣточекъ на растворенное окошечко, сталъ прилетать къ ней добрый молодецъ Финистъ Ясенъ-соколъ.

Вотъ наступило воскресенье. Зазвонили въ церкви. Старшія сестры стали къ обѣднѣ собираться; наряжаются въ сарафаны нарядные, достаютъ платки новые, надѣваютъ серьги золотыя да надъ младшею сестрою посмѣиваются: „А ты, умница-разумница, что надѣнешь? у тебя и обновокъ-то нѣту! Сиди дома со своимъ цвѣточкомъ"! А она отвѣчаетъ: „Ничего, милыя сестрицы, вы обо мнѣ не кручиньтесь: я и дома помолюсь"!

Вырядились старшія сестры, точно павы, и ушли къ обѣднѣ, а меньшуха сидитъ у окошка, вся запачканная, въ старомъ сарафанчикѣ, да смотритъ на православный народъ, что идетъ къ церкви Божіей; а идутъ всѣ нарядные, кафтаны на мужикахъ новые, сарафаны на бабахъ праздничные, платки узорчатые, разноцвѣтные.

Выждала меньшуха время, вышла на крылечко, оглянулася, махнула цвѣтнымъ перышкомъ въ правую сторону, и откуда ни возьмись — явились передъ ней и колымага хрустальная, и кони заводскіе, и прислуга въ золотѣ, и платья, и всякіе уборы изъ дорогихъ самоцвѣтныхъ каменьевъ.

Вмигъ одѣлась красная дѣвица, сѣла въ колымагу и понеслась въ церковь. Народъ смотритъ да красотѣ ея дивуется. — „Видно, какая-нибудь царевна изъ тридевятаго царства пріѣхала"! говорятъ промежъ себя люди. Какъ запѣли „Достойно", она тотчасъ вышла изъ церкви, сѣла въ колымагу и укатила назадъ. Людъ православный вышелъ было поглазѣть, куда она поѣдетъ, да не тутъ-то было! давно и слѣдъ простылъ.

А наша красавица лишь подъѣхала къ своему крылечку, тотчасъ махнула цвѣтнымъ перышкомъ въ лѣвую сторону, вмигъ прислуга ее раздѣла, и колымага и съ глазъ пропала.

Сидитъ она попрежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, да смотритъ въ окошечко, какъ православные изъ церкви по домамъ расходятся. Пришли и

сестры домой. — „Ну, сестрица“! говорятъ, „какая красавица была нонче у обѣдни! просто заглядѣнье: ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать! Должно-быть, царевна изъ иныхъ земель пріѣзжала — такая пышная, разодѣтая“!

Наступаетъ другое и третье воскресенье; красная дѣвица, знай, морочитъ народъ православный и сестеръ своихъ и отца съ матерью. Да въ послѣдній разъ стала раздѣваться и позабыла вынуть изъ косы алмазную булавку.

Приходятъ изъ церкви старшія сестры, разсказываютъ ей про царевну-красавицу да какъ взглянутъ на сестру-меньшуху, а алмазъ такъ и горитъ у нея въ косѣ.—„Ахъ, сестрица! что это у тебя“? закричали дѣвушки, „вѣдь точь въ точь этакая булавка была сегодня на головѣ у царевны. Откуда ты достала ее“? Красная дѣвица ахнула и убѣжала въ свою свѣтелку. Разспросамъ, догадкамъ, перешептываньямъ конца не было; а меньшая сестра молчитъ себѣ да потихоньку смѣется.

Вотъ большія сестры стали замѣчать за нею, стали по ночамъ у свѣтелки подслушивать и подслушали одинъ разъ разговоръ ея съ Финистомъ Яснымъ-

соколомъ, а на зарѣ своими глазами увидѣли, какъ выпорхнулъ онъ изъ окна и полетѣлъ за темный лѣсъ.

Злыя, видно, были дѣвушки, большія сестрицы! Уговорились онѣ поставить на вечеръ потаенные ножи на окнѣ сестриной свѣтелки, чтобы Финистъ Ясенъ-соколъ подрѣзалъ свои цвѣтныя крылышки. Вздумали — сдѣлали, а меньшая сестрица и не догадалась, поставила свой аленькой цвѣточекъ на окно, прилегла на постель и крѣпко заснула.

Ночью прилетѣлъ Финистъ Ясенъ-соколъ, бился, бился, — не могъ попасть въ горницу, только крылышки себѣ обрѣзалъ.

—„Прощай, красная дѣвица“! сказалъ онъ, „если вздумаешь искать меня, то ищи меня за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ. Прежде три пары башмаковъ желѣзныхъ истопчешь, три посоха чугунныхъ изломаешь, три просвиры каменныхъ изгложешь, чѣмъ найдешь меня, добра молодца“! А дѣвица спитъ себѣ: хоть и слышитъ сквозь сонъ эти рѣчи непривѣтливыя, а встать, пробудиться не можетъ.

Поутру проснулась красавица, глядитъ во всѣ стороны — ужъ свѣтло, а добра молодца нѣтъ какъ нѣтъ! Какъ взглянетъ на окно, а на окнѣ крестъ-на-крестъ торчатъ ножи острые, и каплетъ съ нихъ алая кровь на цвѣтокъ.

Долго дѣвица заливалась горькими слезами, много безсонныхъ ночей провела у окна своей свѣтелки, пробовала махать цвѣтнымъ перышкомъ — все напрасно: не летитъ ни Финистъ Ясенъ-соколъ, ни слугъ не шлетъ!

Наконецъ, со слезами на глазахъ пошла она къ отцу, выпросила благословеніе: „Пойду“, говоритъ, „куда глаза глядятъ“!

Приказала себѣ сковать три пары желѣзныхъ башмаковъ, три костыля желѣзныхъ и три просвиры желѣзныхъ; пару башмаковъ на ноги, костыль въ руки и пошла въ ту сторону, откуда прилеталъ къ ней Финистъ Ясенъ-соколъ.

Идетъ лѣсомъ дремучимъ, идетъ черезъ пни-колоды; ужъ желѣзные башмаки истаптываются, костыль ломается, просвира изглодана, а красная дѣвица все идетъ да идетъ, а лѣсъ все чернѣе, все чаще.

Вдругъ видитъ — стоитъ передъ ней избушка на курьихъ ножкахъ и безпрестанно повертывается.

Дѣвица говоритъ:

„Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ". Избушка повернулась къ ней передомъ. Вошла въ избушку, а въ ней лежитъ баба-яга — изъ угла въ уголъ, губы на грядкѣ, носъ въ потолокъ.

— „Фу, фу, фу! прежде русскаго духу видомъ было не видать, слыхомъ не слыхать, а нынче русскій духъ по вольному свѣту ходитъ, въ очью является, въ носъ бросается! Куда путь, красная дѣвица, держишь? отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь"?

— „Былъ у меня, бабуся, Финистъ Ясенъ-соколъ-цвѣтныя перышки; сестры мои ему зло сдѣлали. Ищу теперь Финиста Ясна-сокола".

— „Далеко жъ тебѣ итти, малютка! надо пройти еще тридевять земель. Финистъ Ясенъ-соколъ-цвѣтныя перышки живетъ въ тридевятомъ царствѣ, въ тридесятомъ государствѣ и ужъ сосватался на царевнѣ".

Баба-яга накормила, напоила красную дѣвицу, чѣмъ Богъ послалъ, и спать уложила, а на утро, только свѣтъ началъ брезжиться, разбудила ее, дала дорогой подарокъ — серебряное донце, золотое веретенце, и наказываетъ:

„Ну, теперь ступай съ Богомъ къ моей середней сестрѣ, она тебя добру научитъ; а вотъ тебѣ мой подарокъ: серебряное донце, золотое веретенце; станешь кудель прясть, — золотая нитка потянется. Какъ придешь ты въ тридевятое царство, въ тридесятое государство, къ синему морю, невѣста Финиста Ясна-сокола выйдетъ на берегъ погулять, а ты знай себѣ пряди; станетъ она мой подарочекъ покупать у тебя, такъ ты, красная дѣвица, ничего не бери, только проси взглянуть на Финиста Ясна-сокола".

Потомъ взяла яга клубочекъ, покатила его по дорогѣ и наказала дѣвицѣ вслѣдъ за нимъ итти: „Куда клубочекъ покатится, туда и путь держи".

Дѣвица поблагодарила старуху и пошла за клубочкомъ. Опять идетъ красная дѣвица темнымъ лѣсомъ все дальше и дальше, а лѣсъ все чернѣе и гуще, верхушками въ небо вьется. Долго ли, коротко ли, другіе башмаки истаптываются, другой посохъ изломанъ, еще каменная просвира изглодана; наконецъ, прикатился клубочекъ къ избушкѣ. Стоитъ передъ дѣвицей избушка на курьихъ ножкахъ и безпрестанно повертывается.

Говоритъ красная дѣвица:

„Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ: мнѣ въ тебя лѣзти — хлѣба ѣсти".

Послушалась избушка, повернулась къ лѣсу задомъ, къ дѣвицѣ передомъ.

Входитъ туда, а въ избушкѣ, на печи, на девятомъ кирпичѣ, лежитъ баба-яга, костяная нога, губы на грядкѣ, носъ въ потолокъ вросъ.

— „Фу, фу, фу! прежде русскаго духу видомъ было не видать, слыхомъ не слыхать, а нынче русскій духъ по вольному свѣту ходитъ, въ очью является, въ носъ

И. БИЛИБИН

бросается! Куда путь, красная дѣвица, держишь? отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь"?

Отвѣчала дѣвица: „Былъ у меня, бабуся, Финистъ Ясенъ-соколъ-цвѣтныя перышки! сестры мои ему зло сдѣлали. Ищу теперь Финиста Ясна-сокола".

— „Охъ, дѣвица, дѣвица, ужъ Финистъ-отъ твой жениться хочетъ! нынче у нихъ дѣвишникъ", сказала баба-яга; накормила, напоила и спать уложила красную дѣвицу, а на утро, еще и солнышко не всходило, разбудила ее, дала дорогой подарокъ — серебряное блюдце и золотое яичко, и наказываетъ:

— „Ну, теперь ступай съ Богомъ къ моей старшей сестрѣ, она тебя добру научитъ; а вотъ тебѣ мой подарокъ: серебряное блюдце и золотое яичко. Какъ прійдешь ты въ тридевятое царство, въ тридесятое государство, на берегъ синя моря, выйдетъ невѣста Финиста Ясна-сокола на берегъ погулять, а ты знай себѣ, катай яичко по блюду; станетъ она мой подарочекъ у тебя покупать, такъ ты, красная дѣвица, ничего не бери, только проси взглянуть на Финиста Ясна-сокола-цвѣтныя перышки".

Дѣвица поблагодарила старуху, вздохнула и опять пошла за своимъ клубочкомъ.

Опять идетъ красная дѣвица темнымъ лѣсомъ все дальше и дальше, а лѣсъ все чернѣе и гуще, верхушками въ небо упирается. Долго ли, коротко ли, третьи башмаки истаптываются, третій посохъ изломанъ, послѣдняя просвира изглодана; наконецъ, прикатился клубочекъ къ избушкѣ. Стоитъ передъ дѣвицей избушка на курьихъ ножкахъ, — то и дѣло поворачивается.

Говоритъ дѣвица избушкѣ:

„Избушка, избушка! повернись къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ: мнѣ въ тебя лѣзти — хлѣба ѣсти".

Избушка послушалась и повернулась къ лѣсу задомъ, а къ красной дѣвицѣ передомъ.

Въ избушкѣ опять баба-яга, костяная нога, изъ всѣхъ трехъ самая старая.

— „Фу, фу, фу! прежде русскаго духу видомъ было не видать, слыхомъ не слыхать, а нынче русской духъ по вольному свѣту ходитъ, въ очью является, въ носъ бросается! Куда, красная дѣвица, путь держишь? отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь"?

Отвѣчала красная дѣвица:

„Былъ у меня, бабуся, Финистъ Ясенъ-соколъ-цвѣтныя перышки; сестры мои ему зло сдѣлали; улетѣлъ онъ отъ меня за моря далекія, за горы высокія, въ тридевятое царство, въ тридесятое государство; ищу я теперь Финиста Ясна-сокола".

— „Охъ, дѣвушка, дѣвушка, бѣдная твоя головушка, ужъ онъ на царевнѣ женился"! сказала баба-яга; накормила, напоила и спать уложила красную дѣвицу, а на утро, еще и звѣздочки на небѣ не погасли, разбудила ее, дала дорогой подарочекъ — золотое пялечко да иголочку, и наказываетъ:

„Ну, теперь ступай, дѣвица, съ Богомъ и не мѣшкай! а вотъ тебѣ мой подарокъ: золотое пялечко да иголочка; ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будетъ. Будешь ты въ тридевятомъ царствѣ, въ тридесятомъ

государствѣ, сядешь у синя моря, выйдетъ къ тебѣ царевна, на которой Финистъ Ясенъ-соколъ женился, станетъ покупать у тебя пялечко съ иголочкой, такъ ты, красная, ничего не бери, только проси взглянуть на Финиста Ясна-сокола-цвѣтныя перышки".

Поблагодарила дѣвица старуху, заплакала горько и пошла за своимъ клубочкомъ, а лѣсъ все рѣже да рѣже.

Вотъ и сине море — широкое и раздольное — разлилось передъ нею, а тамъ, вдали, какъ жаръ, горятъ золотыя маковки на высокихъ теремахъ бѣлокаменныхъ.

— „Знать, это царство Финиста Ясна-сокола"! подумала дѣвица, сѣла на сыпучій песокъ, достала серебряное донце, золотое веретенце и стала прясть, — золотая нитка потянулася.

Вдругъ, идетъ по берегу царевна, съ мамками, съ няньками, съ вѣрными служанками, увидѣла красную дѣвицу, остановилась и ну торговать серебряное донце, золотое веретенце.

— „Дай мнѣ, царевна, только взглянуть на Финиста Ясна-сокола, я тебѣ ихъ даромъ уступлю", отвѣчаетъ дѣвушка.

— „Да Финистъ Ясенъ-соколъ теперь спитъ, никого не велѣлъ пускать къ себѣ; ну, да отдай мнѣ свое серебряное донце, золотое веретенце,—ужъ я, такъ и быть, покажу его тебѣ".

Взяла царевна донце и веретенце, побѣжала во дворецъ, воткнула въ кафтанъ Финиста Ясна-сокола волшебную булавку, чтобы онъ покрѣпче спалъ да подольше отъ сна не вставалъ; послѣ приказала мамкамъ проводить красную дѣвицу во дворецъ къ своему мужу Ясну-соколу, а сама гулять пошла.

Долго дѣвица убивалась, долго плакала надъ милымъ: „Проснись, пробудись, Финистъ мой Ясенъ-соколъ! я, красная дѣвица, къ тебѣ пришла; три чугунныхъ посоха изломала, три пары башмаковъ желѣзныхъ истоптала, три просвиры каменныхъ изглодала да все тебя, милаго, искала"!

А Финистъ спитъ и не можетъ пробудиться...

Нагулявшись вдоволь, царевна воротилась домой, прогнала дѣвицу и вынула булавку.

Финистъ Ясенъ-соколъ проснулся.

— „Ухъ, какъ я долго спалъ! Здѣсь", говоритъ, „кто-то былъ, все надо мной плакалъ да причитывалъ; только я никакъ не могъ глазъ открыть—такъ тяжело мнѣ было"!

— „Это тебѣ во снѣ привидѣлось"! отвѣчаетъ царевна, „здѣсь никто не бывалъ"!

На другой день красная дѣвица опять сидитъ на берегу синяго моря и катаетъ золотое яичко по серебряному блюдечку.

Вышла царевна гулять, увидала и проситъ: „Продай мнѣ"!

— „Позволь только взглянуть на Финиста Ясна-сокола, я тебѣ и даромъ уступлю"!

Царевна согласилась и опять приколола кафтанъ Финиста Ясна-сокола булавкою.

Опять красная дѣвица горько плачетъ надъ милымъ и не можетъ разбудить его.

— „Ты проснись, пробудись, царевичъ мой ясный! это я, красная дѣвица, къ тебѣ пришла; три чугунныхъ посоха изломала, три пары желѣзныхъ башмаковъ истоптала, три каменныхъ просвиры изглодала, все тебя, милаго, искала“!

А Финистъ Ясенъ-соколъ спитъ и не можетъ пробудиться.

Нагулялась вдоволь царевна, вернулась домой, прогнала дѣвицу и вынула булавку. Финистъ Ясенъ-соколъ проснулся.

— „Ухъ, какъ я долго спалъ! Здѣсь“, говоритъ, „кто-то былъ, все надо мною плакалъ да причитывалъ; только я никакъ не могъ глазъ открыть,—такъ тяжело мнѣ было“!

— „Это тебѣ во снѣ привидѣлось“! отвѣчаетъ царевна, „здѣсь никого не было“!

На третій день сидитъ красная дѣвица на берегу синяго моря, такая печальная, грустная, держитъ въ рукахъ золотое пялечко, а иголочка сама вышиваетъ.

Увидала это царевна и ну торговать.

— „Позволь только посмотрѣть на Финиста Ясна-сокола“, говоритъ дѣвица, „я тебѣ его и даромъ отдамъ“!

Царевна согласилась, прибѣжала во дворецъ и говоритъ: „Финистъ Ясенъ-соколъ! дай я тебѣ волосы причешу“.

Сѣла ему голову чесать и воткнула ему въ волосы булавку — онъ тотчасъ заснулъ крѣпкимъ сномъ; послѣ посылаетъ своихъ мамокъ за красной дѣвицей.

Та пришла, будитъ своего милаго, обнимаетъ, цѣлуетъ, а сама горько, горько плачетъ: нѣтъ, не просыпается! Стала его по волосамъ гладить и выронила нечаянно волшебную булавку.

Финистъ Ясенъ-соколъ-цвѣтныя перышки тотчасъ проснулся, увидѣлъ красную дѣвицу и такъ-то обрадовался!

Она ему разсказала все, какъ было: какъ позавидовали ей злыя сестры, какъ она странствовала и какъ торговалась съ царевною.

Полюбилъ онъ ее больше прежняго, поцѣловалъ въ уста сахарныя и велѣлъ, не мѣшкая, созвать бояръ и князей и всякаго чину людей.

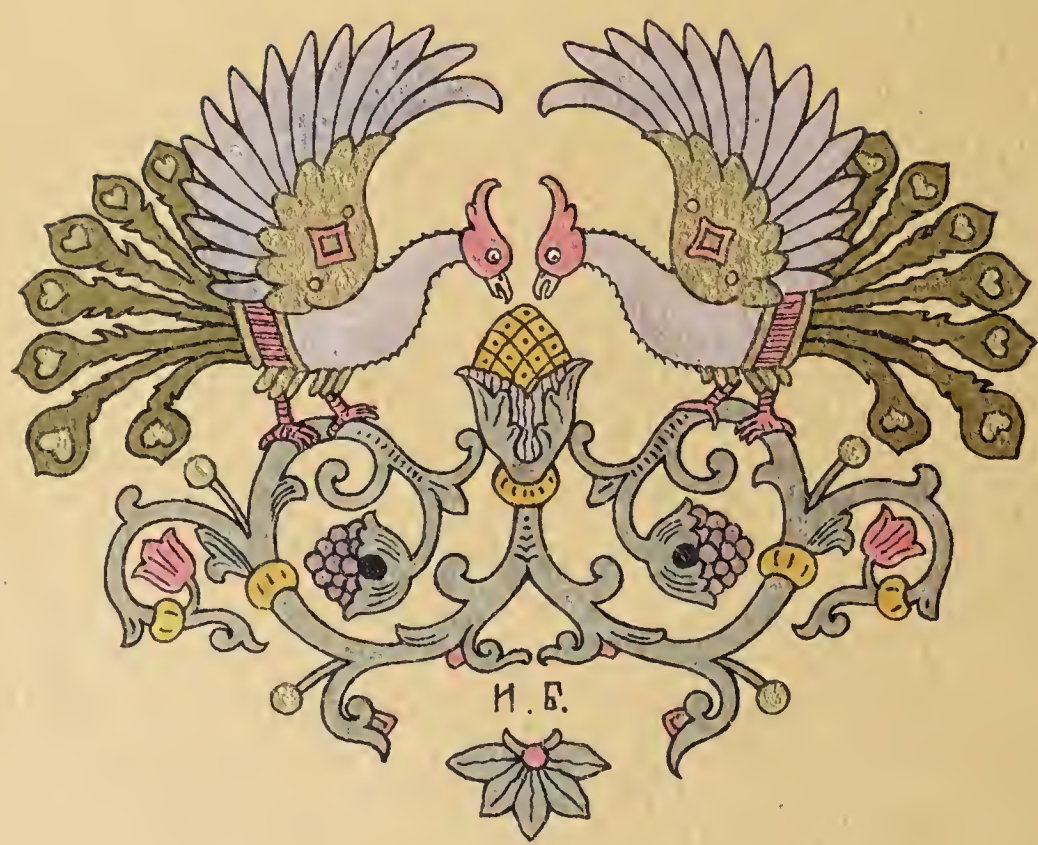
Сталъ у нихъ спрашивать: „Какъ вы разсудите, съ которой женою мнѣ вѣкъ коротать — съ этой ли, что меня продавала, или съ этою, что меня выкупала“?

Всѣ бояре и князья и всякаго чину люди въ одинъ голосъ рѣшили: взять ему ту, которая выкупала.

Такъ и сдѣлалъ Финистъ Ясенъ-соколъ-цвѣтныя перышки!

Тутъ ихъ и обвѣнчали, и пировали три дня и три ночи!

На той свадьбѣ и я былъ, медъ и пиво пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало. Надѣли на меня колпакъ, да и ну толкать; я упирался да вонъ убрался.



Ц̣ѣна 75 коп.

Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.